

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии).

Л., Издательство ЛГУ, 1971, 220 стр.

Рецензируемая монография представляет собой объединенный единой концепцией труд, ценность которого состоит прежде всего в широте исследуемой проблемы. Само выявление общих тенденций внутреннего развития ренневизантийского города IV—VII вв. в работе Г. Л. Курбатова неразрывно связано с анализом и обобщением конкретного материала. В этом отношении монография сочетает сугубо самостоятельное изучение целого комплекса вопросов и критическое восприятие результатов исследований по данной теме советских и зарубежных ученых. Весьма ценно привлечение наряду с уже известными источниками новых данных археологических раскопок, убедительно подтверждающих ряд положений автора.

Разложение и ломка структуры позднеантичного города рассматриваются Г. Л. Курбатовым на значительном хронологическом этапе. Но поставленные в заглавии временные рамки не мешают автору вкратце проследить (до X в.) изменения экономической и социальной жизни византийского общества.

Г. Л. Курбатов акцентирует внимание на внутренней эволюции позднеантичного полиса и его округа. По его мнению, именно внутреннее, естественное развитие определяло важнейшие сдвиги в экономике и социальных отношениях города Восточно-римской империи данного периода. Поэтому исследование начинается с анализа земельных отношений в рамках городской округи. Автор подчеркивает, что упадок античной формы собственности выражался прежде всего в упадке аграрной основы античного города, муниципальной собственности. Внутренняя перестройка хозяйственных отношений и переход земельных участков из рук в руки в IV—VI вв. вели к концентрации земли у крупных собственников, в том числе и монастырей, мало связанных с интересами полиса (стр. 24—25). По мнению Г. Л. Курбатова, развитие крупных имений нового типа параллельно с упадком полиса и оттоком из него ремесленников способствовало укреплению в этих имениях ремесла, удовлетворявшего в основном нужды самих имений, а также «посаженных на землю рабов и колонов и окрестного сельского поселения» (стр. 27). На той же базе росло в конце IV—V в. и собственное монастырское производство. Г. Л. Курбатов считает, что внутренний взаимообмен между владениями крупного собственника, вызванный специализацией в них производства, рост значения больших свободных деревень и монастырского производства были взаимосвязаны с ростом местного, деревенского рынка и с сокращением рыночных связей с городом. Деревня становится конкурентом полиса, «подрывая его торгово-ремесленное значение» (стр. 38), постепенно освобождаясь от его господства. Автор полагает, что своеобразие Византии состояло «в сохранении значения крупных селений, часть из которых могла затем развиваться в города, но существование которых в целом, видимо, задержало их формирование» (стр. 43).

Изменения в аграрной округе определяли упадок мелких полисов, исчезновение основной массы которых, подчеркивает Г. Л. Курбатов, являлось показателем крушения рабовладельческих отношений. Соответственно автор рисует картину эволюции сословия куриалов. В начале IV в. оно еще контролировало городской рынок, но в течение столетия куриалы среднего достатка исчезают, а немногочисленная зажиточная верхушка сословия переселяется в крупные города (стр. 51—52). С разорением куриалов в мелких полисах свертываются производство и торговля. Естественный упадок ремесла обусловил и бегство ремесленников из мелких городов IV—V вв. в крупные города, сельскую округу и монастыри. Очень важен вывод автора о том, что там, где в IV—VII вв. мелкие полисы «не приобретали особого военного или религиозного значения, они постепенно приходили в упадок, исчезали» (стр. 63). Государство искусственно поддерживало их в ряде случаев, ибо, «хотя и разлагавшийся, полис был опорой существующего строя» (стр. 67). Существование же преемственности в обще-

ственных отношениях Византии Г. Л. Курбатов связывает не с сохранением массы городов, а с сохранением компактного греческого населения, государства, старых навыков и традиций, сбереженных этим населением и в условиях исчезновения старых городов (стр. 74).

Глава о развитии крупных городов Византии IV—VII вв., пожалуй, самая лучшая в книге. Автор убедительно вскрывает процессы, обусловившие временную стабилизацию и последующий упадок провинциальных центров. Очень важны замечания о роли государства в стимулировании для IV — начала V в. подъема крупных городов (стр. 83, 96). В целом автор подчеркивает определенное сходство в развитии средних полисов с провинциальными центрами; причины, подорвавшие значение небольших городов (разрыв средних слоев и падение спроса на городские ремесленные изделия, упадок производства и торговли), хоть и позже, имели место и здесь. Удачна характеристика развития ремесла в крупных центрах (эволюция от мелкого, свободного — к зависимому). По мнению автора, большинство крупных городов утратило свое экономическое значение к середине VII в. В конце V — начале VI в. важную роль в экономике играли лишь наиболее крупные центры, но в VII — начале VIII в. и они переживают аналогичный упадок.

Глава четвертая посвящена изменению социальной структуры городского населения. Г. Л. Курбатов справедливо основное внимание сосредоточивает на эволюции различных категорий рабов и плебса. Автор считает, что обретение рабами хозяйственной самостоятельности несколько сближало их с массой городского свободного населения. С другой стороны, в домах городских крупных собственников возрастает значение рабской челяди, прямой агенты господствующего класса. По мнению Г. Л. Курбатова, VII в. — грань, «когда в империи окончательно исчезает массовое рабовладение и рабство утрачивает свое прежнее значение в жизни общества и города» (стр. 131). Зато возрастает значение рядовых свободных элементов в составе городского плебса. Автор подчеркивает динамичность плебейского сословия, его дифференциацию, заключающуюся в обеднении массы городских ремесленников и торговцев и включении их верхушки в правящие группировки города. С этим процессом Г. Л. Курбатов связывает укрепление в IV—V вв. корпораций и рост в VI в. «нового» люмпен-пролетариата.

Много внимания уделено динамике городских правящих слоев, особенно формированию в V—VII вв. провинциальной знати, бывшей, по мнению автора, в известной мере новым провинциальным образованием, «скорее всего, переходного характера» (стр. 156). Характеризуется эволюция социальной борьбы: ее сосредоточение в крупных центрах, усиление народного характера городских движений, роль партий. Очень важен вывод автора относительно тенденции массы населения «к более активному участию в массовых религиозных движениях, чем непосредственно к борьбе партий», в силу замыкания последних и возрастания в них роли имущих слоев (стр. 167).

В заключительной главе Г. Л. Курбатов рассматривает разложение античной муниципальной организации, связанное с упадком и исчезновением экономической базы полиса. Особое внимание уделено возрастанию роли в городских финансах государственной кассы, а в общественной жизни — государственной администрации, что вызывалось утратой муниципальной организацией руководства городом. В городе растет влияние независимых крупных собственников, церкви; на смену курии в реальном управлении приходит непостоянный совет провинциальной знати. Роль церкви для города в этот период, по мнению Г. Л. Курбатова, огромна. Именно то, что она была крупнейшим собственником в мелких городах, возможно, и спасло их от превращения в «совокупность территориальных владений нескольких лиц» (стр. 203).

Признавая сохранение в Византии значительной преемственности и традиции, Г. Л. Курбатов подчеркивает определенное качественное отличие от античных, новизну элементов, возникших в V—VII вв. в производстве, торговле и социальной жизни городов. Последние, по мнению автора, — скорее угасающие позднеантичные города, нежели раннесредневековые. Их упадок продолжается и после ломки рабовладельческих порядков, до середины — конца VIII в. Исчезают они, полагает Г. Л. Курбатов, «чаще всего навсегда или на время, утратив свой городской характер, за исключением небольшого числа крупных центров внутреннего и международного производства и торговли и, в специфических условиях, ряда более мелких городов» (стр. 212). На вторую половину IX—X в., по мнению автора, приходится начало возрождения городской жизни в Византии (стр. 75).

В монографии чувствуется определенное смещение понятий города как общественного института и города античного. Например, в Киррах VI в., по мнению Г. Л. Курбатова, «умирала городская жизнь, а вместе с ней и античный город» (стр. 56). Однако разве существование даже немногих крупных центров означало перерыв в существовании города как общественного института? Один Константинополь оказывал огромное влияние в пору своего наибольшего упадка на самую отдаленную периферию. Указанное смещение в основном происходит из-за акцентирования автором внимания на тех сторонах жизни города, которые обуславливают его существование как центра ремесла и торговли. Хотя Г. Л. Курбатов полагает, что функционирование основной массы городов Византии в ранне средневековье как административных, военных и религиозных центров не имело места (стр. 6), однако в ряде случаев он прямо или кос-

венно признаёт, что указанные функции сохраняли город как таковой (стр. 63, 70, 73, 104—105, 110, 163, 200).

Признавая сохранение города как религиозного центра только в специфических случаях, автор сомневается в тождественности городам многих центров епархий VII—VIII вв. (стр. 66). Но ведь, кроме функций религиозных, епархии несли и правовые функции. Являясь центром публичного права, местом концентрации лиц непроизводственных профессий, обслуживаемых ремесленниками, центр епархии был городом.

Малоубедителен пример Кирр, приводимый автором в качестве «образца естественного развития» мелкого ранневизантийского города. Общим и нормальным условием для большинства городов Восточноримской империи IV—V вв. была не спокойная эволюция местной экономической и общественной жизни, а ее неровный ритм в силу влияния внешних, военных и внутренних, социальных факторов. В Византии данного периода практически не было города, не затронутого в той или иной мере варварским вторжением или чрезвычайным государственным налогом. Автор не подтвердил фактами положения, что в Киррах не было чиновников и военных (стр. 54), а упадок в них ремесленного производства в V в., да и самого города вообще, аргументирует в основном высказываниями епископа Феодорита. Скорее всего, Феодорит представлял императрице и влиятельным сановникам положение Кирр бедственным, будучи заинтересован в отвлечении внимания правительства от беспокойной пронеосторианской епархии. Да и сам Феодорит упоминает в одном письме факт постройки им в городе, наряду с причам, портика (стр. 81), бывшего явно не украшением, а ремесленной или торговой точкой.

Уделяя основное внимание внутренним процессам развития городов и признавая определенное воздействие на них внешнего фактора, автор все же иногда недооценивает влияния последнего. Видимо, следовало бы подробнее остановиться на правительственных мерах по отношению к городам, например на конфискации муниципальной земельной собственности. Вряд ли государство «вынуждено» было принять ее в свои руки вследствие естественного упадка города (стр. 202—203). Скорее, императоры укрепляли свою социальную базу в лице крупных собственников за счет исчерпавших в этом отношении возможности имуществ позднеантичных городов. Слабо освещен и такой важный фактор влияния на городскую экономику, как перемещение торговых путей — в силу внешних причин (разрыв сухопутных коммуникаций на западе германцами, войны с Ираном, возникновение арабской опасности).

В монографии недостаточно четко определены хронологические рамки «конца» античного города в Византии. Наряду с положением о наибольшем *упадке* массы мелких городов в VII в. (стр. 63) имеются высказывания, что упадок городов *продолжался* до середины — конца VIII в. (стр. 212), что большинство мелких полисов *исчезло* к VII или в VII в. (стр. 207). На странице 72 говорится, что *угасание* малых городов продолжалось, по-видимому, до конца VIII в., а на странице 68, — что позднеантичный полис был «добит» варварами в VI в. (курсив везде наш. — А. К.).

В этом отношении неясно, когда, по мнению автора, в Византии завершилось отделение землевладения от города (стр. 207), если в VII в. «отрыв» города от земледелия «нарастал» (стр. 70). Но было бы вернее сказать, что с VII в. землевладение стало связываться *не только* с городом и окончательного «отделения» в Византии так и не произошло.

Г. Л. Курбатов справедливо отмечает для IV—VI вв. еще значительный вес в имениях городской округи труда рабов. Но из этого отнюдь не следует, что «поступления от рабского труда были большими» в сравнении с трудом прочих земледельцев (стр. 26). Приводимые автором данные юридических источников показывают лишь, что часть крупных землевладельцев пыталась вести хозяйство отживавшими методами.

В рамках аграрных отношений неясна разница между «среднекрупным землевладением» IV—VI вв. (в констатации его автор следует за Р. Ремондоном) провинциального типа (стр. 25) и типом «деревни-имения» VI—VII вв. (стр. 29). Ведь оба типа, если исходить из тезисов автора, образуются за счет старых средних вилл и свертывания собственного господского хозяйства.

В монографии содержится интересное, но, к сожалению, весьма краткое наблюдение, касающееся развития простатия IV—VII вв. (стр. 101—102). Объемное рассмотрение «подгородного хозяйства», не защищенного стенами города, но в значительной степени определяющего характер городской экономики, в работе фактически отсутствует.

Рассматривая отношение плебейского сословия крупных городов к рабовладельческому порядку, Г. Л. Курбатов допускает противоречие: отношение это характеризуется то как индифферентное (ибо в V—VI вв. плебеи уже утратили в экономическом и в социальном плане связь с античным гражданским коллективом) (стр. 143), то как враждебное (поскольку рабовладельческое общество, по мнению автора, пыталось окушать невыгодность труда рабов усилением гнета над мелким свободным населением) (стр. 144). Думается, отношение это было иным. С одной стороны, конкуренция рабского труда настраивала свободного труженика враждебно к рабу, с другой, плебс выступал против *конкретных* налогов и чиновников. Деятельность же государства объективно не способствовала не мелкому производству как таковому, а *данному*

состоянию мелкого производства, обусловленному притоком в крупные города IV—VI вв. массы свободных, создававших конкуренцию рабскому труду и накалявших социальную обстановку. Поэтому не следует, видимо, называть в целом прогрессивной борьбу массы горожан за существование, когда для них все средства были хороши и движение зачастую руководилось реакционнейшими представителями господствующего класса.

Думается, не совсем точна характеристика, данная автором варварским завоеваниям как фактору, способствовавшему упадку поздневизантийских городов (стр. 42—43). Скорее варвары способствовали упадку не полиса, а города вообще. Славяне и арабы «доросли» до понимания ценности не городов (ср. стр. 72), а тех центров, что соответствовали их потребностям и уровню развития. С другой стороны, если мелкие города представляли для славян ценность как центры сосредоточения военно-земледельческого населения, то арабы рассматривали их как центры территориальной военно-административной эксплуатации. И то и другое, безусловно, снижало социально-экономический потенциал города.

По мнению Г. Л. Курбатова, к VII в. формируется новая провинциальная византийская знать. Но не совсем ясно, кем были по своему социальному облику как «богатые местные землевладельцы, не связанные с городом», так и «городская служилая землевладельческая знать». Можно согласиться с тезисом, что это были социальные образования переходного характера, однако какие же их слои и группы продолжали цепляться за старые формы, а какие нет? Ведь террор Фоки коснулся и крупнейших землевладельцев провинций, связанных с городами.

Монография как бы подводит читателя к вопросу о городских социальных движениях этого периода в полном объеме, о кризисе и упадке старой идеологии и культуры, связанных с позднеантичным полисом. Видимо, все эти вопросы будут затронуты в последующих работах автора.

В заключение следует сказать, что в целом работа Г. Л. Курбатова является, безусловно, важным и ценным исследованием, несмотря на спорность многих положений, обогащаящим советскую византиистику. Широта и важность проблемы, ясность и красочность языка (особенно удачны в этом отношении третья и четвертая главы) делают эту книгу интересной и доступной для широкого круга исследователей и читателей.

А. С. Козлов

Theodori Prodromi De Manganis, ed. S. Bernardinello. —

«Università di Padova. Studi bizantini e neogreci», 4. Liviana editrice in Padova, 1972, p. VIII+138

Итальянский филолог С. Бернардинелло, занимавшийся до сих пор рукописной традицией «Метафизики» Аристотеля, издал 12 стихотворений Феодора Продрома, связанных общей темой — пожалованием поэту так называемого адельфата в Манганском монастыре. Стихотворения эти содержатся в двух рукописях: Миланской (Ambros. 0 94 sup, первая половина XV в.) и Венецианской (Marc. XI.22, XIII в.). По мнению Бернардинелло (стр. 8 и сл.), обе рукописи независимы друг от друга как по составу, так и по характеру текста. При этом Миланская рукопись, по мысли издателя, располагает стихотворения в общем в целом в хронологической последовательности, тогда как Венецианская группирует их в соответствии с иерархически-генеалогическим принципом — в зависимости от значения адресатов стихотворных посланий Продрома.

Манганские стихотворения Продрома давно известны, но до сих пор были изданы лишь частично (С. Д. Пападимитриу, Э. Миллером) и исключительно по Венецианской рукописи. Бернардинелло публикует полный греческий текст с критическим аппаратом (стр. 29—80), итальянский перевод с указанием библейских цитат (стр. 81—129) и indexes редких слов и собственных имен (стр. 131—138). Издание лишено реального комментария. Не выделены в нем и устойчивые формулы (стереотипы), характерные для византийской риторики XII в. и повторяющиеся у самого Продрома. Во введении, помимо краткой характеристики рукописей и принципов публикации, издатель детально рассматривает вопрос о датировке этой серии стихов Продрома (стр. 9—19).

Как известно, Манганские стихотворения не содержат внешних хронологических указаний: определить время написания можно лишь по их содержанию, риторичность которого, однако, делает попытки подобного рода спорными. Нет ничего удивительного, что Бернардинелло расходитя в датировке с тем, что предлагал в свое время С. Д. Пападимитриу, но и его собственные даты подчас вызывают сомнения. Вернемся еще раз к этому вопросу.

Стих. I—II адресованы севастократорисе, в которой издатель предположительно усматривает Ирину, жену севастократора Андроника Комнина, сына Иоанна II (стр. 10). Бернардинелло предполагает, что стихи написаны при жизни Андроника,